

В. А. Зибарев

ИЗ ИСТОРИИ ОБЫЧНОГО ПРАВА НАРОДОВ СЕВЕРА

Дореволюционная наука не обошла вниманием народы Севера, однако многие проблемы их истории и культуры остались вне ее поля зрения. К их числу относятся и те, которыми занимается так называемая юридическая этнография.

Царское правительство, исходя из административно-фискальных интересов, признавало за народами Севера, как и за всеми народами Сибири, право судиться своим судом и по своим законам по всем делам, кроме крупных уголовных преступлений. Санкционированные государственной властью юридические обычаи народов Севера могут рассматриваться в качестве норм обычного права, присущего, как известно, народам, достигшим ступени формирования классовых или раннеклассовых отношений.

Хотя первые предписания о фиксации норм обычного права народов Сибири относятся ко времени правления Екатерины II¹, реальные меры были предприняты лишь в 20—30-е годы XIX в. в связи с введением «Устава об управлении инородцев» 1822 г., которым предусматривалась запись и систематизация этих норм для использования в судопроизводстве². В данном случае нас не будут интересовать мотивы, побудившие законодателей предпринять эту попытку, а также цели, которые ими преследовались. Отметим лишь, что она являлась частью общей реформы управления и суда народов Сибири, проводившейся царской администрацией.

В 1823 г. в Тобольске, Омске, Красноярске и Иркутске были созданы под председательством гражданских губернаторов временные комитеты, которые составили проекты сводов законов для народов Западной и Восточной Сибири³. Обсуждение их в различных инстанциях бюрократического аппарата затянулось до 40-х годов, чиновники исписали горы бумаг — в результате само намерение зафиксировать обычное право народов Сибири было оставлено, а записи его норм утеряны. Лишь в 1876 г. профессор Варшавского университета Д. Я. Самоквасов опубликовал часть этих записей, сохранившихся в копиях⁴.

Сделанные не подготовленными к подобной миссии чиновниками со слов представителей местной туземной администрации, они фиксируют далеко не лучшим и отнюдь не исчерпывающим образом нормы обыч-

¹ См. *Андреев А. И.* Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах.— Сов. этнография, 1947, № 1, с. 85.

² ПСЗ, 1830, т. XXXVIII, ст. 29126, гл. VIII, § 68—72.

³ См.: Проект изложения законов для бродячих и кочевых инородцев, в Тобольской губернии обитающих.— Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ф. 1264, оп. 1, д. 269; Проект степных законов для инородцев, обитающих в Енисейской губернии; Проект законов для инородцев, обитающих в Иркутской губернии (ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 273).

⁴ Сборник обычного права сибирских инородцев/Изд. Самоквасова Д. Я. Варшава, 1876.

ного права народов Сибири, в том числе и некоторых народов Севера. Почти все записи подверглись обработке и известны в виде сводов «степных законов». Тем не менее было бы опрометчиво пренебрегать ими, имея в виду хотя бы общую значимость обычного права как источника изучения истории бесписьменных в прошлом народов.

Публикуемая ниже «Записка о законах и обычаях Охотского уезда инородцев»⁵ не лишена изъянов, однако это не только первый, но, пожалуй, и единственный источник, дающий определенное представление о правонарушениях, судопроизводстве и юридических обычаях эвенов, эвенков и отчасти коряков Охотского уезда первой четверти XIX столетия. Она составлена Охотским земским исправником по предписанию вышестоящих властей в связи с попыткой фиксации этих обычаев и непосредственно адресована начальнику Охотского приморского управления. В сопроводительном документе указывается, что содержащаяся в ней информация получена со слов «инородческих начальников», приезжавших в Охотск для внесения ясака⁶.

«Записка» являет собой первичную запись «законов и обычаев инородцев» в черновом варианте. Чистовик был послан Иркутскому губернскому управлению, а затем I Сибирскому комитету⁷. Поиски его пока не привели к успеху, но, по-видимому, существенного различия между ними нет. Об этом свидетельствует хранящаяся в фонде этого комитета выписка из данной «Записки», которая кратко передает ее основное содержание, начиная с раздела: «Власть родоначальников над подчиненными и степени наказания, производимого ими за разные преступления (кроме уголовных)»⁸.

Не все в содержании «Записки» непосредственно относится к «законам и обычаям». Изложению их предпосланы краткие сведения о составе населения уезда, его хозяйственных занятиях и верованиях. Но как раз это и свидетельствует об определенном конкретно-историческом подходе к описанию юридических обычаев, о понимании того, что они обусловлены исторически⁹.

В этнографической литературе не раз отмечалась возрастающая роль письменных источников при реконструкции элементов традиционной культуры¹⁰. К таким элементам, на наш взгляд, принадлежит обычное право народов Севера. Источники по нему крайне редки, многое в нем утрачено безвозвратно. Вполне очевидна поэтому значимость каждого документа, отражающего в той или иной мере его нормы.

«Записка» публикуется в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969 г.). Деление текста на абзацы изменению не подвергалось. Оригинал «Записки» хранится в фонде Охотского земского управления (ф. 1063) Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока (г. Томск). В подготовке текста к публикации принимала участие Т. В. Кисельникова.

⁵ Так она названа в сопроводительной записке. Собственный заголовок ее: «Записка согласно Устава о инородцах 1-ой части § 68-го учиненная о законах и обычаях сих инородцев, состоящих в Охотском уезде».

⁶ Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (ЦГА РСФСР ДВ), ф. 1063, оп. 1, д. 2, л. 15. См. также: *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан, 1983.

⁷ См. Пояснительные примечания к своду степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири.— Б. м., Б. г., с. 31.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 297, лл. 141, 142.

⁹ Аналогичный подход был применен, кстати говоря, и при составлении «Проекта изложения законов для бродячих и кочующих инородцев, в Тобольской губернии обитающих», первые 10 параграфов которого содержат общие о них сведения.

¹⁰ См. *Чистов К. В.* Из истории советской этнографии 30—80-х годов XX века.— Сов. этнография, 1983, № 3, с. 13.

**ЗАПИСКА ОХОТСКОГО ЧАСТНОГО ЗЕМСКОГО
ИСПРАВНИКА НАЧАЛЬНИКУ ОХОТСКОГО
ПРИМОРСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ
ОБ ЮРИДИЧЕСКИХ ОБЫЧАЯХ КОРЕННОГО
НАСЕЛЕНИЯ ОХОТСКОГО УЕЗДА**

1 апреля 1823 г.

О наименованиях инородцев

Инородцы, находящиеся в ведении Охотского округа¹, разделяются на две части. I — заключает Охотский уезд², II — Ижигинское комиссарство³ (город заштатный), из коих в первой населяющие суть: якуты, тунгусы⁴ и малая часть коряков. Первые и последние с издревне живут постоянно в селениях, изобильных местными выгодами, не перемещая место пребывания своего ни в какое время, а тунгусы составляют два рода, то есть имеющие оленей называются оленными, а не имеющие оных — пешими. Первые из них ведут кочевую жизнь почти во все время года по разным отдаленным местам, удобным для промыслов и содержания скотоводства. Последние же живут преимущественно по рекам, где бывает хороший лов рыбы.

Вера, нравы и обычаи инородцев

Все вообще инородцы Охотского ведомства исповедуют христианский закон, а потому крещение, венчание, отпев умерших и прочее совершают при выезде в их селения епархиальных священников неупустительно. Но как они будучи народ мало просвещенный, то точное соблюдение ими христианских правил подвергается сомнению (...)* более с своими обычкновениями они верят шаманам. Сии шаманы по объяснению их могут почитаться более врачами, нежели жрецами. Они пользуют некоторые внешние, а иногда и внутренние болезни, и если случится, что больной получает облегчение от своей болезни, то приносят благодарение единому богу. Шаману же токмо платят за труды то, что он потребует именем якобы представлявшихся ему во время шаманства духов. Шаманы сии также во время [и] при начатии промыслов бывают инородцами приглашаемы, и заставляют их предугадывать о хорошем успехе в промыслах. Предсказания шамана нередко получаются и удаются. Но за всем тем все счастливые успехи приписывают власти всевышнего. А потому шаманы у них находятся не для веры, но для мнимой им от них пользы по древнему обычаю. Впрочем, инородцы легко-

¹ Охотский округ, точнее, Охотская округа — административно-территориальная единица, образована в 1822 г. вместо Охотского уезда. Управлялась Охотским частным земским исправником, который осуществлял административные и судебно-полицейские функции, подчинялся Охотскому приморскому управлению Иркутской губернии. В 1849 г. в связи с образованием Камчатской области Охотское приморское управление было упразднено, а Охотская округа отошла к Якутской области (ПСЗ, 1849, т. 24, ст. 23692).

² Охотский уезд как самостоятельная административная единица выделился в 1731 г. из Якутского уезда (см. История Сибири с древнейших времен до наших дней, т. 2. Л., 1968, с. 308). Упразднен в 1822 г. в связи с введением окружного деления. Восстановлен в 1902 г., когда вместо округов в губерниях и областях Сибири были снова образованы уезды. В данном случае имеется в виду территория бывшего Охотского уезда.

³ Ижигинское, т. е. Гижигинское, комиссарство — административно-территориальная единица, впервые образовано в 1775 г. в составе Якутской провинции Иркутской губернии. Упразднено в 1783 г. в связи с упразднением комиссарств. В 1783—1803 гг. — уезд Охотской области, с 1803 г. — комиссарство Камчатской области во главе с земским частным комиссаром. В 1822—1849 гг. — Гижигинская округа Охотского приморского управления, составляла отдельное Гижигинское управление в лице земского исправника и его помощника (ПСЗ, 1803, т. XXVII, ст. 20890; 1830, т. XXXVII, ст. 29125, § 409, 434).

⁴ Тунгусы — старое, дореволюционное название эвенков. Под тунгусами в данном случае имеются в виду также эвены. Эвенки и эвены составляли основное население Охотского уезда. В 1820 г. в нем значились 893 пеших и 853 оленных тунгуса, 181 якут, 59 коряков; в 1823 г. — 1808 тунгусов и коряков, 209 якутов (ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1063, оп. 1, д. 2, лл. 13, 14, 46).

* Слово написано неразборчиво, первые буквы читаются как «сбли...».

верны, просты и показывают нрав кроткий, но при малейшем неудовольствии в чем-либо рассудок их помрачается и они в то время весьма легко предаются <...>**. Государственные законы весьма уважают и власти, над ними установленной, повинуются.

Обзаведение и скотоводство ***

Якуты имеют якутские юрты, а коряки — русские рубленые избы, и все они — нужные усадьбы. Скотоводство их такое ж, какое и у якутов Якутской области, т. е. конный и рогатый скот, но только в малом числе. Сей недостаток заменяется большим числом собак, которые употребляются на домашние работы и для почтовой и обывательской гоньбы. Тунгусы 1 рода, как народ, бродячий по разным местам рассеянно, когда стоят на одном месте — живут в лосиных палатках, или урасах⁵, а 2 [рода], т. е. пешне, — селениями, в юртах, на манер якутских. Скотоводство у первых — олени, у последних — ездовые собаки; они также исправляют в зимние времена по очередям в натуре почтовую и обывательскую гоньбу на оленях и собаках.

Инородческие начальники

Родона начальники инородцев называются с издревне князцами и старшинами, которые сохраняют сии звания наследственно по праву происхождения их из поколения древних родона начальников. Впрочем, избираются в случае неимения в обществе людей, происходящих из родона начальнического поколения, или по совершенной же неспособности имеющих князцовское право, другие, из простых почетных инородцев, доброго поведения и знающие порядок в суждениях и разбирательствах, а большею частью зажиточные в избытках, которые у инородцев бывають в уважении⁶. Те и другие родона начальники в должностях своих утверждаются правительством⁷.

Власть родона начальников над подчиненными и степени наказания, производимого ими за разные преступления (кроме уголовных)

Как в давние времена, так и ныне, если инородец сделает преступление таковое, которое по правам принадлежит разбирательству родона начальников, то есть [состоящее] в краже скота или вещей, в обиде другого словом и побоями, в непослушании родовому начальнику, в обращении пьянством и мотовством и по всем тем видам, кои случаются в общежитии и которые не заключают в себе уголовного преступления, как то: разбоя, зажигательства, смертного убийства и тому подобного, то виновник по первым преступлениям, когда обследуется до причин и обвинится, тогда в случае воровства — возвращается все отнятое или украденное им у товарища своего имене в полной мере, однако ж и без всякого излишка. Сверх того наказывается соразмерно вины его при собрании родовичей лозами. В других же преступлениях, также соразмерно вины его, штрафуется сажанием в колоду или просто словесным выговором⁸. Правила, коими руководствуются родона начальники в судопроизводстве, есть, во-первых, собственное рассуждение их, во-вторых, порядок, оставленный от прежде бывших родона

** Слово написано неразборчиво. Предположительно читается как «мирению».

*** В документе этот раздел обведен чернилами и сверху автором надписан «не нужно».

⁵ Ураса (юраса) — переносное, конической формы жилище, покрытое меховыми, ровдужными или берестяными покрывками.

⁶ Князцы, старшины — главы административных родов, созданных у народов Севера царской администрацией с целью управления и взимания ясака (см. подробнее *Таксами Ч. М., Туголуков В. А.* Административные волости, улусы и роды у народов Сибири (XVII — начало XIX в.). — В кн.: Социальная история народов Азии. М., 1975, с. 74—99). Институт этот являлся низшим, туземным звеном сибирской администрации. Иркутский гражданский губернатор Трескин, например, требовал, чтобы главы родов у народов Сибири вступали в свои должности по наследству и занимали их пожизненно (ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1059, оп. 2, д. 151, л. 2. — Положение об управлении и торговле иноверцев, 1812 г.).

⁷ Имеются в виду губернские правительства — административные органы, созданные в начале XIX в. в ряде губерний; объединяли функции губернских управлений и казенных палат (ПСЗ, 1805, т. XXI, ст. 15675).

⁸ Аналогичные меры наказания отмечены и у других народов Севера. Исключение составляет заковывание в колоду, которое, по-видимому, заменяло содержание под стражей (см. Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881—1901 гг.). Томск, 1970, с. 14—16).

чальников, и, в-третьих, наставления и внушения по сей части земского начальства. Как уже выше упомянуто, что судопроизводство инородцев с давнего времени в таком же порядке находится, в каком и ныне существует, то и главнейшая власть родоначальников состоит в следующем:

1. Садить виновного в колоду и в содержании оного в сем положении несколько токмо дней.

2. Сечь лозами.

3. Отдать по общему с родовичами словесному приговору в зарабатывание несостоятельного к платежу долга или ясака или же украденного имущества.

4. Заплатить обиженному в бесчестии денег или вещей, если виновный будет к тому приговорен, и

5. Сделать словесный выговор виновному.

Более сих предметов власть родоначальников на подчиненных своих не простирается, и преступник больших, нежели изложенных выше сего наказаний достойный, передается суждениям по узаконениям. Меры и наказания, предоставленные родоначальникам, суть следующие:

а) Когда ясачный инородец, по лености своей вдавшись [в] праздность и бродяжничество, делается тунеядцем и на счет общества своего тягостным и совершенно таким, что, имея силы и возможности на платеж следующего с него ясака и на общественные повинности, ко времени взноса оных будет не в состоянии должного заплатить, то таковой содержится по приказанию родоначальников в общественном собрании под стражею в колоде и единственно для примера прочим, а потом отдается он по приговору общества и по утверждению родоначальника на зарабатывание тому, кто его взять согласится, преимущественно же тем, кто имеет достаточное состояние, и взявший несостоятельного платит за него должную принадлежность куда следует.

б) Как главным преступлением у инородцев почитается кража скота и имущества, то за такую кражу по взятии виновного или оговоренного под стражу, производят родоначальники при собрании словесное разбирательство, основанное на свидетельских показаниях, сомнениях и приметах по коим хорошо умеют обнаруживать преступления родовичей своих и до такой степени, что сам виновник без дальнейшего разбирательства сознается в преступлении, и тогда изобличившийся в краже скота или вещей по общественному словесному приговору платит хозяину в натуре или деньгами, без всякого излишка, а потом наказывается лозами весьма легко и единственно более для примера прочим и собственного его стыда, нежели для отомщения обиды ближнего. Если же виновный бедного состояния и к платежу покраденного несостоятельный, то он наказывается гораздо более состоятельного, а взамен того избавляется от платежа истцу. Впрочем, хотя и следовало бы вместо покраденного возвращать хозяину вдвое или втрое, но таковое обыкновение у здешних инородцев не существует, может быть, потому, что приверженные к краже люди большею частью бывают недостаточного состояния и, следовательно, виновные либо не могли бы исполнять общественного приговора, либо исполнением оного подвергались бы совершенному разорению.

в) За малые преступления, как то: ссоры между собою, за неплатеж долгов и тому подобное — инородческие родоначальники стараются большею частью склонять тяжущихся к примирению, и в случае несогласия тяжущихся предоставляется просителю и ответчику избрать из равных своих собратий посредников, 2 или 3 человека, для суждения, которые решают также примирением, удовлетворяя, однако ж, обиженного по возможности виновного денежною платою или чем-либо другим. Суд при посредниках почитается у инородцев древнейшим законом.

г) Количество наказания лозами виновного за каждое порознь преступление у них не ограничивается. Тот, который прежде замечен был в худых поступках, наказывается более, нежели впадший в первоначальное преступление, а особливо, ежели сей последний напредь сего был в обществе своем добропорядочным человеком. Вообще же родоначальники никакого излишнего наказания и угнетения или строгого розыскания подчиненным своим не чинят, да и чинить оное почитают себя не вправе, чтобы сие в последствии времени не открылось, даже и в таких случаях, если кто-либо в чем-нибудь подаст на себя подозрение, а свидетелей или ясных и точных доказательств к уличению его не окажется, то такое темное дело передается ими воле божией.

Оставя образ правления, более относящийся до оседлых инородцев, теперь можно сказать и о кочующих тунгусах. Они не имеют постоянной жизни, следовательно, и тесных общественных между собою сношений, то и разбирательствами занимаются весьма редко или же в год однажды. По сей же причине, когда случается между родо-

вичами⁹ что-либо подлежащее к разбирательству и суждению, то они большей частью даже и в маловажных случаях, как то: в личных спорах, в неплатеже долгов, в малых воровствах и в прочем встречаются затруднения и недоумения, то по съезду их в порт¹⁰ или в урочище для платежа в казну государственного ясака и тогда приносят друг на друга жалобы земскому исправнику, а в городе в больших делах — начальнику Охотского Приморского управления и предоставляют их разбирательству и решению. Но начальники и исправники избирают из посторонних уважаемых и более разумных несколько родоначальников, коими при присутствии начальника и исправника, по основательном исследовании всего дела, оно тут же бывает решено и чрез то каждому чинится должное удовольствие, а в буйственных и бесчинных поступках изобличенные преступники без дальнего производства наказываются лозами соразмерно вины или делается строгий выговор тем, кои менее виновны.

О браке

Брак у инородцев почитается так же, как и у русских, укреплением домашнего благосостояния. Венчаются русскими священниками в стойбищах их, но весьма редко в церкви при городе. При сговорении невесты в замужество наблюдают, чтобы были мужской и женский пол от 12 до 20 лет. За невесту платят по древнему обыкновению калым оленями или вещами, по общему условию обеих сторон, т. е. жениха и невесты, и по заплаче всего калыма или также по особенным договорам некоторой части невесты поступает в дом жениха, который еще до брака пользуется с нею правом оного, и когда случится в их стойбищах быть священнику, в то время по обряду христианскому обвенчаются. Между же совершением настоящего брака, если не заплатится со стороны жениха в срок всего калыма или произойдут между женихом и невестою несогласия, тогда отец невесты приносит жалобу родоначальнику его, и в случае правильной просьбы — отбирается от него невеста, а взятый от него задаток ему возвращается, и родители или родственники невесты не вменяют себе сие в бесчестие, что дочь или родственница их пребывала в оном браке. Если же из вышеописанных двух причин случится первая, т. е. неплатеж калыма после совершения уже настоящего брака, то недоданный калым, в случае несостоятельности обязанного платить, взимается из имения его родственников, или же сам зарабатывает. Хотя инородцы все вообще почитают брак священным союзом, но по обыкновению их допускают себе брать наложницу при жизни жены, которую они так же покупают за калым под предлогом работницы или, как они называют, стряпки. Сие более происходит у тех, у коих нет детей от законной жены или по старости оной. При сем случае законные их жены не показывают ревности, ибо таковые работницы или наложницы берутся в дом с согласия самих их¹¹.

Наследство

Те из инородцев, кои зажиточны скотом или другим имением, располагают имением своим каждый в особенности; непозволительно также у них владеть чужим имуществом. Они назначают имение свое, остаться имеющее после смерти их, родным детям, ближайшим родственникам, а в случае неимения оных — жене своей, и кому какая часть имения будет назначена, тот оным и распоряжается. Завещание таковое делается словесно при свидетелях, если оные случатся, а в противном случае и без оных. Если после смерти инородца не останется родных детей, то в таком случае предоставляется право владения имением его жене и ближайшим родственникам, а как инородцы вообще все, богатые и бедные, платят за жен своих калым, то если вдова молодая, не имеющая детей, выйдет за другого мужа, то она лишается [права] владения скотом прежнего мужа, если токмо есть сего последнего родственники, а калым, прежде покойным ее мужем заплаченный, хотя не весь, но по крайней мере половина, взыскивается с того, кто на вдове женился. Впрочем, вдова платье и свойственные ей уборы переносит к другому мужу.

⁹ Родовичи — члены административных родов.

¹⁰ Имеется в виду Охотский порт — резиденция начальника Охотского приморского управления и Охотского частного земского исправника.

¹¹ Вторую жену брали тогда, когда первая жена в силу возраста или большого объема домашней работы не справлялась со своими обязанностями, когда в семье не было детей или были только дочери, т. е. когда отсутствовали прямые наследники. Вторичный брак при наличии первой жены заключался также в случае большой разницы в возрасте между супругами, что особенно было характерно при левиратных браках. Разумеется, что иметь несколько жен мог только состоятельный глава семьи.

Якуты и коряки, как живущие постоянно, в летнее время заготавливают сена для скота, а потом, когда из моря выходит в реки рыба, — запасают оную сушением и частью солением и для собак сберегают кости. С половины же сентября месяца рыбу кету, прорезав на концах хвоста, вешают вместо погребов в [так] называемых сайбах, именуя рыбу сию свежую, и весь промысел оканчивается к октябрю месяцу. Тунгусы оленные и пешие также запасают рыбу, только первые гораздо меньше прочих инородцев. Из якутов, коряков и пеших тунгусов малая часть, а оленные все — сверх промысла диких зверей, употребляющихся в пищу — оленей, зайцев и тому подобных, в зимние времена стараются так же с усердием упромышлять дорогих зверей, т. е. лисиц, соболей и тому подобное не токмо для уплаты в казну государственного ясака, но и для собственной своей пользы, зная то, что при хорошем промысле сих зверей могут они улучшить и свое состояние домашними вещами или дорогою одеждою. Тунгусы оленные ездят по пространству Охотской округи целыми стойбищами, а более по-семейно, и в котором урочище заметят они следы каких-либо зверей, тут они, остановясь жительствою, упромышляют оных. Но все вообще охотские инородцы получают весьма малый прибыток по случаю уменьшения зверей против прежних лет, и иногда полный ясак в казну зверьми не поступает. У ловцов сих на промыслах всегда бывает согласие. Например: если после отыскавшего прежде удобное для лова место приедут другие инородцы, т. е. другого родоначальника родники¹², то между ними никакой распри и спору о месте и о промыслах не происходит, а промышляют они вообще всякий своим заведением миролюбиво. Полагают, что для промысла зверей нужно счастье, а без оного и самый искуснейший промышленник ничего не упромышляет.

Потому-то у них не в обычае иметь особенные границы или урочища, изобильные как зверями, так и рыбою. Но однако ж, когда в одном урочище занимаются промыслом несколько семейств и случится потеря в добычах, то изобличившийся в том вор, если по требованию хозяина не возвратит украденного из чужого промысла в урочище, то они по свидании своем с родовыми начальниками приносят о том жалобу, и тогда возвращается хозяину покраденная вещь натурою или другим чем по [равной] цене и, сверх того, виновник наказывается, как о том в пункте о наказаниях написано. Если ж на промысловых урочищах подстреленный не весьма тяжело зверь ружьем или луком уйдет и промышленник, который прежде всего ловил, не найдет в скорости, а попадется оной другому промышленнику, но хотя он и объявит тому, который прежде его стрелял, но они по обыкновению своему не токмо не отбирают себе, но и никакой части не требуют, а предоставляют в собственность находчика. Если случится при промыслах им убить медведя, то раздел происходит следующим образом: шкуру отдают не тому, кто медведя прежде застрелил, а почтеннейшему из сородцев¹³, а мясо — по частям всем промышлявшим и непромышлявшим, причем соблюдаются довольно странные обычаи: по приготовлении мяса в пищу никто не смеет оного употреблять прежде, пока не произнесут извинения, состоящего в следующих словах, что де, не мы тебя убили, но русские или якуты, для того, что, по мнению их, звери сии без такового оправдания им, тунгусам, могут мстить.

ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1063, оп. 1, д. 2, лл. 17—29. Черновик. Рукопись.

¹² Родники — то же, что и родовичи.

¹³ Сородцы — то же, что родовичи и родники.